

ОЧЕНЬ БОЛЬШАЯ ЖОПА

ОБЖ вел подполковник в отставке Андрей Степанович Громов, невеселый и строгий мужчина. Он никогда не улыбался, не шутил, и казалось, что ничего ему неинтересно. Поэтому занятия у него были особенно тягостны. Все чувствовали, что он проводит их просто из-за необходимости, потому что это его работа и нет другого выхода.

— Раньше он был совсем другой, — сказал как-то Титяев. — Такой бодрячок, типичный военный.

— А ты откуда знаешь? — не поверил Тихонов.

— Мама рассказывала. Говорит, в какой-то момент вдруг резко изменился...

Сегодня Андрей Степанович придумал настоящее наказание — научиться разбираться в тактических картах. Он раздал их всем и стал рассказывать, что с ними делать. Только он один в школе умел так уныло и бесцветно говорить — уже через минуту половина класса потеряла нить его рассуждений.

Тихонов, как и всегда, когда на уроке начиналось что-то скучное, сразу переключался на другие дела. Но сейчас вдохновения не было, и он уставился в окно. Небо сегодня как будто вобрало в себя всю серость мира и сгустилось низко над городом, навалившись целлюлитным животом на крыши. В такую погоду хочется не изучать тактические карты, а сидеть на уютной террасе где-ни-

будь за городом, пить горячий чай и смотреть на мокнущий сад.

— Да, парни, — прошептал Тихонов, отворачиваясь от окна. — Я понял, как переводится ОБЖ... Очень Большая Жопа.

Он не заметил, что подполковник Громов, который прогуливался по рядам, как раз в этот момент стоял за его спиной.

— Тихонов, встать!

Тихонов вскочил, не успев понять, что происходит.

— Вышел вон из класса! Вернешься с директором!

Вот она, военная выучка, — он так четко и уверенно отдавал приказы, что не послушаться было невозможно.

Тихонов, сделав на всякий случай презрительное выражение лица — чтобы не так позорно было, — быстро собрал свои вещи и вышел.

В коридоре он сел на стул рядом с раздевалкой.

«Неприятная ситуация, — подумал он. — Что теперь делать? Как это я вернусь с директором?» Он не мог себе представить, чтобы вот так вот зайти к Юлии Федоровне и сказать ей, что учитель ждет его вместе с ней обратно в класс. Она, конечно, поинтересуется, с какой это стати. Понимаете, скажет тогда он, я перевел ОБЖ как «Очень

Большая Жопа». Эка невидаль, поморщится она. Ты же человек творческий. Пошел вон.

Бывают в жизни школьника такие неприятные ситуации, когда сильно налажаешь и не знаешь, как быть.

Он думал уже идти домой, как из класса вышел Андрей Степанович. Тихонов собрался встать и объясниться, но тот, не замечая его, прошел мимо навстречу женщине, ждущей его выхода. Странно она выглядела! Вся в платках, шарфах, в огромной меховой шапке. Глаза бегают, взгляд беспокойный.

— Ты что пришла? — спросил Андрей Степанович, беря ее за руки.

— Ой, Андрюшенька, мне так страшно стало! Я не могу найти майонез. Ну куда он мог пропасть? — ответила она, испуганно глядя ему в глаза.

— В холодильнике искала?

— Да! Его там нет, — трагическим тоном ответила она.

— Не волнуйся, — ласково сказал Андрей Степанович и обнял ее за плечи. — Иди домой! У меня еще урок, а закончу и приду.

— Я боюсь холодильника! Я не могу!

— А давай тогда так, — предложил он, — ты меня здесь подожди, хорошо? Посиди вот тут, а я скоро уже. Только не уходи никуда.

Он ее усадил, поцеловал в щеку и пошел обратно. Тут только он заметил Тихонова.

— Нехорошо это, Алексей. Нехорошо! — спокойно сказал он ему. — Больше так не делайте.

— Извините, — пробормотал Тихонов.

Он поднялся, чтобы уходить.

— Алеша! — позвала его женщина.

— Что? — он обернулся к ней.

— Андрюшенька у меня такой халесий!

— Гм... Да, — согласился он. — Хороший.

ЭКЗАМЕНЫ

Зачем нужны экзамены? Тем более внутренне, когда и так надо будет сдавать ГИА? Сумасшедшая школа... Тихонов недоумевал. Экзамены — это такая вещь, которая может испортить самое прекрасное настроение. И проходят они обычно в неподходящее время — весной, когда вот-вот начнется лето, когда весь мир поворачивается наконец к тебе лицом!

И сразу — весна не весна. Если ты понимаешь, что в ближайшую неделю у тебя полоса экзаменов, тебя ничто не радует. Ни свежие бодрящие запахи, ни ветер, ни обещание новой жизни — ты ничего этого просто не замечаешь. Предчувствие экзаменов поглощает все. Это как чума

в Средневековье: какие уж тут радости, всему концев.

И вот тут легко было совершить большую ошибку. Дело в том, что во время экзамена Тихонов часто очень волновался, до того, что иногда начинались тики. Поэтому он мечтал лишь об одном — чтобы все поскорее закончилось. Пускай ему поставят тройку или даже двойку. Торопясь выбраться из этого состояния, он быстро и кое-как отвечал, получал плохую оценку и уходил. Но вместо ожидаемого удовлетворения испытывал глубочайшее разочарование. Но почему? Почему он разочаровывался? Он же хотел побыстрее отделиться, так и получалось.

— Я, кажется, догадываюсь, в чем дело, — многозначительно сказала бабушка Денисова в ответ на его откровения.

— Ну и? Не тяни! — поторопил ее Денисов.

Она отрезала кусок торта, откусила и положила на блюдечко.

— Это как жизнь прожить. Бывает, надоедает все. Сложно становится, трудно справиться, все наваливается. Болезни, проблемы. И ты думаешь: вот бы побыстрее все закончилось. Устала я от жизни. Пролетела бы она легко и без страданий.

— Ты думаешь о таком?! — повысил голос Денисов.

— Данила, не волнуйся, это я так, для примера. И вот, представим, наступил тот самый долгожданный конец. Ты лежишь на койке при смерти. Все получилось, как ты и хотел — жизнь прошла быстро и просто, тяжело бороться и ничего преодолевать не пришлось. Будешь ли ты счастлив в этот самый момент подведения итогов?

— Нет, наверное, — сказал Тихонов.

— Вот и мне так кажется. Потому что ты даже и не жил, а уже пора умирать. Как ни банально это звучит, жизнь — это борьба, и в этом ее смысл.

— Баб, я не поверю, что тебе сложно жить! Денег куча, мужчин было тоже, ты вообще женщина-вамп. Ты и сейчас выглядишь лучше, чем некоторые наши молодые училки, хотя и старая.

Она захохотала.

— Спасибо тебе за комплименты. Но на всякий случай учти: никогда не говори женщине, что она старая и что мужчины в прошлом, даже если ей за сто. Считаю, что это одно из полезных правил, как прожить жизнь, чтобы не было потом жаль.

ДЕРЖИ СЕБЯ В РУКАХ

В парке можно найти немало ровных участков земли, подходящих для игры в ножнички. Но Тихонов с друзьями выбирали всег-

да одно и то же место между тремя тополями. Земля здесь была плотно утоптана в результате многих и многих партий. Тихонов любил ножнички, хотя редкие девятиклассники играют. Но он вообще с азартом, до самозабвения, отдавался всяким таким играм.

Нож для игры приносил Серегин. Он быстро начертил достаточно большой круг и поделил его на число игроков. После этого скинулись в камень-ножницы-бумага и стали кидать нож в землю. Если он втыкался, то кинувший отсекал землю в свою пользу в том направлении, в каком расположилось лезвие. Игроков было четверо: Тихонов, Серегин и Бубнов с Батоновым.

Играли долго и ожесточенно, с переменным успехом. В конце концов Тихонову удалось забрать территории Бубнова и Батонова. Остался Серегин. С ним было сложнее. Круг делился то в пользу одного, то в пользу другого. Тихонов очень переживал, ему страшно хотелось выиграть. После каждого удачного броска он вскидывал руки, подпрыгивал, хохотал и кричал:

— Есть! Есть! Ха-ха! Вот это четко! Ну что скажешь, Серый? Съел? Проглотил? А?!

Во время бросков Серегина он в шутку мешал ему, похлопывал по спине, говорил под руку.

— Косой, косой, косой! — бормотал он в ухо, пока тот прицеливался. — Мимо, мимо, мимо!

И когда Серегин промазывал, Тихонов ликовал: — А, Серый, ну что я говорил! Еееееес! Уааааааа! Хо-хо!

На лавочке неподалеку сидела пожилая пара. Мужчина строго сказал ему:

— Слышь, молодой человек, парни в твоём возрасте уже с девчонками гуляют, а ты визжишь, как пятилетний.

— Он просто бесноватый, — женщина перекрестилась. — К батюшке ему надо.

В итоге Серегин выиграл.

— Знаешь, Тихон, только без обид, — сказал он, когда они после игры собирались по домам. — Мне кажется, ты немного сумасшедший.

— Да уж какие тут обиды... — хмуро кивнул Тихонов.

Домой он возвращался в самом мрачном настроении, думая о том, что надо научиться держать себя в руках.

ДЕНИСОВ УЕЗЖАЕТ

Тихон, надо поговорить! — Денисов наклонился к нему.

Надежда Павловна вещала что-то про особо коварные правила русского языка.

— Ладно, Дэн, давай. Но я удивляюсь, почему на уроке?

— Короче... Я говорил со своей психологичкой.

— Дэн, — прервал его Тихонов, — если ты про то, что я должен опять куда-то идти ее ловить, то забудь.

— Да нет... Я это... Я признался ей в любви на последнем сеансе.

— Да ты охренел! — воскликнул Тихонов.

— Молодые люди! — повысила голос Надежда Павловна. — Я вам не мешаю? Извините, если что!

— Простите, Надежда Павловна, — сказал Тихонов. — Я случайно.

— Если я правильно понял, — вставил Титяев, который сидел позади Денисова и Тихонова, — Денисов сказал, что влюбился в вас.

— Да нет же, дурак! — Денисов густо покраснел.

— А что здесь такого, — улыбнулась Надежда Павловна. — Почему в меня нельзя влюбиться? Я вполне еще ничего!

Все засмеялись.

Дождавшись, пока урок вернется в свое русло, Тихонов шепнул:

— Дэн, наверняка она тебя послала.

— Ты прав. Сказала про разницу в возрасте и все такое... У нас, типа, рабочие отношения... И у нее есть молодой человек.

— М-да. Это же все и так было ясно с самого начала. Зачем вообще это затеял?

— Понимаешь, Тихон, я хочу стать мужчиной...

— Ха! А кто не хочет...

— Я не про это. Я про то, что надо делать то, что ты хочешь делать. Пускай даже ты проиграешь. Но если ты ничего не делаешь, у тебя даже не будет шанса выиграть! Так мой отец говорит.

— Толковый у тебя отец, — кивнул Тихонов.

Некоторое время они молчали, каждый пребывая в своих мыслях, фоном для которых служил голос Надежды Павловны. Любопытный навык формируется в школе: ты хорошо слышишь учителя, но не разбираешь ни одного слова в отдельности. Как будто горный ручей шумит. Но это у Надежды Павловны — ручей. У Ирины Александровны — Ниагарский водопад, у Татьяны Юрьевны — шипение змей. У Юлии Федоровны — шепот наложниц в гареме.

— Я не только об этом хотел поговорить, — сказал Денисов. — Я уезжаю. Такие дела.

— Куда уезжаешь?

— В Нью-Йорк. Папа там контракт на год заключил. Ну, на год — это предварительно, а может, и на все три.

— А как же школа?

— Там пойду в школу.

— Молодые люди! Я вижу, вы оба в меня влюблены! — рассердилась Надежда Павловна. — Перемена через десять минут, может, подождете?

— Извините, Надежда Павловна, — сказал Тихонов.

— Я сам не хочу, — прошептал Денисов. — Но что поделать, вся семья едет.

— Ну, Нью-Йорк — это классно! — уныло проворкотал Тихонов.

— Да ничего классного, я уже был там три раза. Такой же мегаполис.

— Когда уезжаешь?

— Сразу после экзаменов.

— Последний звонок хоть вместе отметим?

— Нет, не успею.

Надежда Павловна бросила на них полный возмущения взгляд, но почему-то ничего не сказала.

БИОЛОГИЯ

Вот уж в чем Тихонов был вполне уверен, так это в своем знании биологии. Он не только всегда слушал Евдолину Парисовну, но и вообще интересовался популярной литературой на эту тему. Теперь, когда пришла пора внутреннего экзамена, он ощущал себя на подъеме и уверенно, в отличие от Бубнова, Батонова, Стаханова и прочих бестолочей.

О, это прекрасное чувство собственной полноты и силы! Под его воздействием все сразу меняется: жалкого закомплексованного троечника оно способно превратить в могучего отличника, гадкого утенка — в лебедя, чудовище — в красавицу...

— Тихон, опять ты загоняешься, — прервал его Денисов. — Красавица и чудовище — два совершенно разных персонажа. Чудовище потом превратилось в нормального мужика, но никак не в красавицу.

— Дэн, да знаю я, но так намного драматичнее!

— Не уверен, мне кажется, ты привносишь лесбийский элемент.

Утро было ясное и тихое. В такое утро кажется, что большая часть города еще погружена в сон и поэтому происходящее не совсем реально — как будто на границе между явью и сновидением. Солнечный свет, падающий в окна, застыл колоннами, время остановилось, и только по-утреннему помятые ученики своими движениями разрушают иллюзию безвременья. Да еще ползущие в лучах пылинки.

Евдолина Парисовна решила проводить экзамен в форме обычного урока. Она стала зада-

вать вопросы по предмету, предоставляя отвечать первым тем, кто тянет руку. После каждого ее вопроса Тихонов тянул руку. Иногда она кивала ему, и он отвечал, всякий раз, как ему казалось, очень хорошо. Не было ни одного вопроса, на который он не смог бы ответить. Она выслушивала его, как и других, молча, потом снова обращалась к классу.

Он отвечал три раза. Больше только Арсеньев и некоторые девочки. Денисову дали слово один раз — но он и поднял руку только однажды.

Одноклассников Тихонов слушал с иронией. Их ответы были банальны, все, что они говорили, было почерпнуто исключительно из учебника. Он же, помимо этого, сообщал еще и новые сведения, которые никто из учеников не знал. Не знала даже, как он подозревал, и учительница. В общем, было ясно, что он отвечает лучше всех, это подтверждалось и реакцией класса.

Показатель успеха — взгляды девочек. Уж когда молодой человек производит впечатление, блистает умом, то девушки, если, конечно, они еще не испорчены, не умеют этого скрыть. Они смотрят прямо и открыто на этого молодого человека, и в глазах их написан живой интерес. Только Гришина глядела в окно, но оно и понятно, не могла же она позволить себе быть для него одной из многих.

Перед самым звонком Евдолина Парисовна заявила, что сейчас же и сообщит оценки. Она стала перечислять учеников по алфавиту. Первый Арсеньев. Пять. Кто бы сомневался! Дальше пошли тройки и очень редкие четверки. И не удивительно, большинство отвечало какую-то чушь, а некоторые вроде Стаханова вовсе молчали, и для них тройка — это подарок.

У Гришиной и Денисова четыре. Тоже заслуженно, спору нет. У Ступаковой пять. Вообще не ясно почему. Она, конечно, отличница, но в данном случае промямлила нечто невнятное. Так, сейчас будет он.

— Тихонов, — сказала Евдолина Парисовна, — три.

Тихонов не поверил своим ушам. В классе слышался удивленный шепот.

— Извините, — громко спросил Тихонов, — вы уверены?

— Я же сказала, — не взглянув на него, ответила она, — три. Молодец, выкрутился на троечку!

И пошла перечислять дальше.

Тихонов сидел совершенно раздавленный, не понимая, как такое могло произойти. И эта возмутительная фраза про «выкрутился на троечку»?..

Он покидал класс в самом черном настроении. — Тихонов! — К нему подошел Титяев. Он дружелюбно улыбался.

— Чего тебе, Титяй? — хмуро буркнул Тихонов.

— Не расстраивайся. Во-первых, Евдолина Парисовна плохо слышит, и я уверен, она почти ничего не поняла из того, что ты говорил. Так что все ответы для нее одинаковые!

— А во-вторых?

— А во-вторых, тебя вся школа считает последним раздолбаем. Никто же не верит, что ты способен на большее.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Надежда Павловна задала на дом сочинение и сказала, что оценка за него и будет итоговой. С русским дело обстояло сложнее, итог складывался из результатов всех четвертей.

— Дорогие ребята! — сказала она в начале урока. — Я хочу поздравить вас с окончанием учебного года и началом весны! Нам было непросто, нам было тяжело, мы пережили зиму, но вот теперь — выгляните только в окно!

Тихонов вместе с другими выглянул. Да, в самом деле пришла весна, а точнее, даже лето — до того все стало ярким и зеленым.

— Странная она, — шепнул Денисов. — «Мы пережили зиму». Как будто в блокадном Ленинграде.

— Да. Поэтичная натура, — кивнул Тихонов.

— А по-моему, она просто дура, — пробормотал Серегин.

Надежда Павловна молча глядела в окно. Минуту, две, три. Глаза увлажнились, грудь высоко вздымалась, как будто ею овладело сильное волнение. Наконец она глубоко вздохнула и чуть печально улыбнулась ученикам.

— Всегда приходит весна! Точно так же, как и всегда восходит солнце!

— Надежда Павловна, — сказал Серегин, — может, вы уже сообщите нам оценки? А то мы все волнуемся... Знаете, с двойбанами и весна не в радость...

Надежда Павловна взяла с парты кипу тетрадей и стала называть оценки, возвращая каждому его сочинение. Троек было мало: как обычно, у Стаханова, Рыбенко, Серегина и Бубнова с Батоновым. У остальных четверки, и только у Арсеньева и некоторых девочек — пять. Тихонов назван не был.

— Надежда Павловна, — поднял он руку, — а мое сочинение? Я же сдавал...

Надежда Павловна растерялась. Она посмотрела на свой стол, заглянула в сумку, но сочинения нигде не было.

— Кажется, дома забыла... — честно призналась она. — Извини, похоже, оно так и останется на лето у меня. Но тебе, конечно же, пять! Зато летом я смогу читать его подругам, сидя на жаркой веранде с белым вином!

— И отгонять им мух, — тихо добавил Массажин.

Тихонов понял, что его сочинение она, видимо, вообще не читала. Но ладно, пять так пять.

По русскому дела обстояли хуже. Три.

После окончания урока он, дождавшись, когда другие ученики уйдут, подошел к ней. Она сидела за своим столом, серьезная и погруженная в дела, весь весенний романтизм из нее как будто улетучился.

— Надежда Павловна, — робко обратился он.

— Да, Леша? — Она подняла голову.

— Надежда Павловна, а тройку по русскому никак нельзя исправить?

Она полистала журнал и твердо сказала:

— Алексей, если честно, у тебя выходит два. Половину диктантов ты не написал, домашнюю работу не делал, в классе бездельничал. Я уж на три-то натянула только из-за уважения к твоим литературным талантам!

— Ясно, — вздохнул Тихонов. — Жаль!

И поплелся к выходу.

ФИЗИКА

— Алексей, ты, похоже, вообще ничего по физике не знаешь, — с улыбкой развела руками Анна Александровна. — Думаешь, я не в курсе, что ты все контрольные либо у Василькова, либо у Денисова списал?

— Анна Санна, так физика ж, — он потер лоб, — сложная вещь...

— Ну скажи мне, чего сложного в законах движения Ньютона?

— Если бы он их знал, — усмехнулся Арсеньев.

— Что же мне тебе ставить?

Тихонов нахмурился и опустил голову.

— А ведь ты умный парень! Ну чего тебе стоило взять и выучить все к экзамену? Да я бы тебе с радостью пять за год поставила! Скажи честно, ведь знал же, что надо готовиться?

— Эх, Анна Санна, знал...

— Ну а что не готовился?

— Лень, Анна Санна.

— Благодарю за честность! — удивилась она. — Мне еще никто так не признавался.

Из окна веяло теплом, по подоконнику ползла отогретая майским солнцем букашка. Наверное, подумал Тихонов, для нее этот подоконник — как пустыня Сахара. Вон и трещины на нем — провалы, вон чего-то вздулось — так это дюны. А горшок с цветком — оазис. Но мелкая не знает, куда надо, ползет не в ту сторону.

— Скажи, Леша, тебе в физике хоть что-то интересно?

— Да, — ответил он. — Прочитал недавно про циклическую модель Вселенной.

— Очень любопытно! И о чем же там?

— Ну... — Тихонов задумчиво посмотрел вдаль. — Там такая идея, что рано или поздно все в мире распадется на элементарные частицы, и ничего, кроме них, в пространстве не будет. Как бы газ, равномерно заполняющий сосуд. Ничего не будет больше во Вселенной, ни людей, ни деревьев, ни планет, ни звезд. Только частицы.

— Это верно, — кивнула Анна Александровна. — Второй закон термодинамики: энтропия всегда возрастает. Вероятно, так и будет. Но при чем же здесь циклическая модель?

— А вот при чем, — Тихонов приободрился. — Один математик доказал, что по прошествии бесконечного времени из такого состояния зарождается новая Вселенная. И будут в ней снова планеты, дома, люди... То есть суть в том, что в его модели конец и начало Вселенной неразличимы. Это значит, что конец — это начало. Понимаете?

— Интересно! — ответила Анна Александровна. — Только вот идея о бесконечном времени мне кажется несколько странной. Хотя в математике и не такое может быть!

— Я тоже читал об этом, — вдруг вставил Арсеньев. — Этого математика зовут Роджер Пенроуз.

— Ладно, — махнула рукой Анна Александровна и засмеялась, — за эту четверть я ставлю тебе пять. Уж шибко ты умный! Но за год все равно три.

Увидев, как он огорчился, она объяснила:

— Сам посчитай: три плюс три плюс три плюс пять делим на четыре. Что будет?

Тихонов вместо ответа угрюмо кивнул.

— Давай иди, — добродушно сказала она. — И хватит валять дурака. Еще два класса впереди, надо будет поступать куда-нибудь.

СОПЕРНИК

Неделя Тихонов не ходил в школу, выжидая, когда раны затянутся. Точнее, пока синяк под глазом из лилового превратится в черный, потом в желтый и в итоге растает. Фингал

ужасная вещь — все всегда сразу интересуются: это кто его так? Это его Стаханов! И даже если ты вышел из боя победителем, из-за фингала кажется, что чуть-чуть ты все-таки проиграл.

За время таких вот каникул совершенно отвыкаешь от школы. Через несколько дней отдыха она начинает казаться чем-то далеким и противоестественным. «Как? — недоумевал Тихонов, лежа на диване с геймпадом. — Как можно ходить в школу? Почему свободный человек с нежных детских лет должен каждый день являться в это странное учреждение и просиживать там часами, выслушивая нечто совершенно чуждое человеческой природе? Как мир докатился до этого? Как к этому пришла наша цивилизация?»

А что будет дальше? Ради чего это? — И Тихонов окинул мысленным взором множество знакомых взрослых. — Дальше вообще беда, — ответил он сам себе, — работа до самой смерти. Каждое утро встал, на работу, вечером полумертвый с нее приполз. В пятницу вечером напился, в субботу и воскресенье плохо, в понедельник снова на работу. А что на работе? Сидишь, как зомби, у монитора, водишь мышкой по столу, глаза красные. Если бы не эта мышка, то можно было бы подумать, что офисный работник мертв. Да и в остальное время он похож на ходячего мертвеца — пока едет на работу и обратно. В машине ли, в метро или на улице — о, эти окаменевшие лица, пустые взоры, обращенные в никуда, усталые спины потерпевших поражение в самом главном сражении — сражении за свою жизнь!»

— Знаешь, Дэн, — как-то сказал Денисов Тихонов, делаясь своими сомнениями, когда тот в пришел в гости с новой видеоигрой, — знаешь, что я понял, читая Гомера? Каждый должен выполнять свое предназначение. До самого конца. Воин должен погибнуть в войне, моряк в море, актер умереть на сцене. Нельзя переставать быть тем, кто ты есть.

— Это ты к чему? Ученик должен умереть в школе?

— Да нет, не к этому... — Тихонов и сам не совсем понимал, к чему. — Просто понимаешь, — подумав, продолжил он, — в современном мире люди потеряли смысл жизни. Вместо того чтобы быть кем-то, они вынуждены быть никем... Кстати, как там в школе-то дела?

— Да так, норм. Все улеглось. А, смешная история случилась...

— Какая?

— Вчера старшеклассников после уроков в актовом зале собрали, рассказывали про экзамены. А потом вдруг завуч вышла...

— Это Маргарита Петровна наша?

— Ну а кто у нас завуч? Она.

— Ну и?

— Она выходит, как обычно мрачная такая, и говорит: «Мы знаем, кто это сделал! Этот негодяй, предатель будет сурово наказан!»

— А что сделал-то? — с усмешкой спросил Тихонов, чувствуя, что где-то под сердцем поднимается тревога.

— Мы тоже не сразу поняли. Но потом она объяснила наконец, когда дошло до нее, что никто не догоняет: кто-то на откосе окна у кабинета директора слово нехорошее написал. Мы, конечно, сразу решили, что сам знаешь какое слово, и только она нас отпустила, бросились смотреть, давка была, как на похоронах, чуть Громову не раздавили. А там всего-то: «СУКА». Но добротой так, глубоко, во весь откос!

— Да, дела... — тоскливо отозвался Тихонов. — Так кто написал-то, известно?

— Нет, не сказала. Только что предатель будет наказан!

— А почему предатель-то?

— Да хрен ее знает. Ты же знаешь этих училков старых, у них с годами мозги переключиваются.

— Ну да, ну да...

— Ладно, мне пора! — Денисов поднялся. — Родки надумали на дачу ехать, представляешь, какое запахло? Мне-то что там делать? Нет, говорят, дело семейное, мы все вместе должны отдыхать. А я эту дачу ненавижу. Опять заставят что-то делать.

— Понимаю! Гады, — согласился Тихонов. — Ладно, давай. Держи меня в курсе.

— Тебе везет, тебя родки не трогают.

Когда Денисов уже вышел на лестничную клетку, Тихонов не удержался и спросил:

— Ну а как там девчонки? Петрова, Ступакова...

Денисов пристально посмотрел на него и вздохнул.

— Титяев в Гришину, по ходу, вторился. Ходит все с ней.

— А мне какое дело? — взорвался Тихонов. — Что ты мне сразу про Гришину?

— Да так, ничего, сам спросил...

И, махнув рукой, Денисов побежал вниз по лестнице, ловко прыгая сразу через три ступеньки.

ИСПРАВИТЬ ДВОЙКУ

За неделю до экзамена по математике Тихонов выяснил, что у него выходит итоговая двойка. Ирина Александровна славилась своей непреклонностью, если она сказала, что два,

значит, два. Ни жалости, ни сочувствия она не испытывала и на двоечников смотрела как на мелких преступников, хитрых и изворотливых, с которыми не надо церемониться.

Тем не менее Тихонов после урока подошел к ней и спросил, может ли он как-то исправить ситуацию. Ему было, конечно, страшно к ней подходить, но что делать: двойка в году — это вообще не вариант.

— Ирина Александровна, — сказал он, потупившись, — это...

Она положила ручку на журнал и подняла на него голову. Даже сидящей она казалась величистой с горой, и хотя сейчас она была ниже Тихонова, он все равно ощущал себя рядом с ней как альпинист под Эверестом. Да, чем-то она напоминала гору — тот же покой, невозмутимость, величие... Но и угроза.

А в глазах ее читалось что-то совсем потустороннее. Серые, как сталь, с точками-зрочками. Что таилось за этими зрочками, в черной бездне, которая открывалась в них? Тихонову чудилось там бескрайнее космическое пространство с редкими огнями необитаемых галактик. В них не было жизни, только неумолимые и холодные законы природы.

И все же, как ни странно, было в ней и нечто человеческое. Например, у нее был нос, щеки с отчетливыми порами, тонкие поджатые губы, морщины и складки на шее. Это казалось Тихонову невероятным — по идее, Ирина Александровна должна была выглядеть как параллелепипед или ехиднаэдр.

— Что ты хочешь, Алексей? — спросила Ирина Александровна.

— Я? — сделал удивленное лицо Тихонов.

— Ну не я же! Ты зачем-то подошел ко мне!

— Я это... Ирина Александровна, а можно как-то исправить двойку в году?

— Странно, почему ты об этом только сейчас вспомнил! У тебя был целый год! И ты хочешь все исправить за неделю?

Тихонов молча пожал плечами.

— Ну хорошо, — сказала она. — Приходи в следующий понедельник. Но знай — я буду спрашивать тебя по всему предмету.

— Спасибо, Ирина Александровна! — обрадовался Тихонов.

— За что? — недружелюбно спросила она. — Ты уверен, что сможешь выучить за это время весь учебник?

— Да, я постараюсь!

— Ладно. Желаю успехов! — И Ирина Александровна вернулась к записям в журнале.

Тихонов подготовился. Всю неделю он провел за учебником, заучивая определения и решая задачи. И в назначенный день был готов на сто процентов. Но он не чувствовал себя уверенно. Потому что перед лицом Ирины Александровны вообще невозможно чувствовать себя уверенно. Она же как землетрясение — вот вроде бы тишина, покой, солнце светит, птички поют, и вдруг мощный удар, все трясется, дороги разламываются пополам, дома рушатся, народы гибнут.

Накануне он постирал форму и погладил белую рубашку. Утром вымыл голову и впервые за год причесался расческой, а не руками. Затем, перед самым выходом, почистил ботинки.

Как назло, вскочил ячмень, и именно к этому дню верхнее веко распухло так, что для глаза осталась только узкая щелочка. В других обстоятельствах Тихонов просто не пошел бы в школу, чтобы не дай бог его не увидела Гришина и другие девочки. Да и парни тоже могли крепко простебать. Но что делать, Ирину Александровну не перенесешь. Легче Луну на другое место перенести.

Тихонов явился за двадцать минут до назначенного времени. Он зашел в раздевалку, чтобы оставить там куртку, и тут только заметил, что забыл дома школьный пиджак и явился в одной рубашке. Он подошел к зеркалу и увидел себя: такой весь аккуратный, прилизанный мальчик, челочка набок, в ослепительно белой рубашке. Прямо типичный ботаник. Да и ячмень еще... Не, в таком виде он показаться перед ребятами не мог. И он, набросив куртку, бросился бегом домой.

В школу он примчался минута в минуту ко времени встречи. Весь красный, потный, рубашка промокла, особенно на спине, прическа вернулась в свое обычное состояние. Прихорашиваться он уже не успевал — и понесся, прыгая через две ступеньки, в кабинет математики.

— Ирина Александровна, — ворвался он, — я готов!

Она посмотрела на него с удивлением, так, как будто не ожидала его увидеть. Потом спросила:

— Пришел?

— Да!

— Ну что же, иди сюда!

Тихонов подошел к ее столу и встал сбоку, вытянувшись. Она обернулась к нему, посмотрела в глаза и задала первый вопрос — про свойства геометрической прогрессии. Он сразу ответил, четко и ясно — наверное, он никогда так прежде не отвечал, даже на биологии. Следующие вопросы касались построения графиков функций и три-

гонометрических функций углового аргумента. Видя, что он отвечает без запинки и действительно знает теорию, она дала ему практические задачи. Он сел за парту перед ней и быстро их решил.

— Молодец! — вынуждена была признать Ирина Александровна.

У Тихонова от волнения чаще забилось сердце: кто бы мог подумать, что она когда-нибудь назовет его молодцом? Это было не более вероятно, чем интим с Юлией Федоровной! Но вот, пожалуйста — он молодец!

— Ты отлично подготовился! Ставлю тебе пять.

— Спасибо! — расплылся в улыбке Тихонов. — Спасибо, Ирина Александровна!

— Да не за что, Алексей. В году у тебя все равно будет три.

— Почему? Вы же сказали, что я могу исправить двойку.

— Ну ты и исправил, на тройку, поздравляю! Но так-то у тебя одни двойки и тройки в журнале. Ничего больше за год я тебе поставить не могу. Можешь идти.

Тихонову в лицо ударила кровь, и он снова покраснел, как после бега.

— Но я же знаю весь предмет, спросите еще!

— Алексей, верю. До свидания.

НЕ ПАРА

Тихонов и Денисов сидели на лавочке. Тихонов был мрачный. Вот так бывает, вроде наступает лето — мечта всякого человека, долгожданная свобода, или, если говорить совсем пафосно, возвращение в рай — а человеку все не в радость. Потому что в году у него почти одни тройки. Пока еще шла зима, казалось, что это не важно, пускай будут хоть двойки, лишь бы поскорее она закончилась и наступило лето. И вот оно приходит, и становится ясно, что рассуждал он неверно.

— Дэн, я всегда думал, что я не настолько плох, каким себя показываю. Может, это иллюзия? И о человеке надо судить не по тому, что он думает о себе, а по тому, что о нем думают другие?

— Ну, я считаю, все не так трагично. Ты просто дурака валял весь год. А так у тебя и пятерки были!

— Ты тоже валял... Но у тебя-то ни одной тройки.

— У меня мотивация — за тройку родители повесят. То есть все тут и закончится: ни карманных, ни гулять, ни играть...

— В этом, может, и дело? Моим, например, вообще все равно.

Денисов не знал, что ответить.

— Я тут в одной умной книжке по психологии прочитал такую тему, — сказал Тихонов, — что если родители в детстве обманывают ребенка, то он вырастает беспринципным. То есть легко тоже предаст других. И больше — способен на любую подлость, потому что у него расстройство личности, совесть как бы не работает. Вот я и думаю — это же история с моим отцом. Я только и помню, как он нас обманывал и предавал, обманывал и предавал. Значит ли это, что я вырасту такой же мразью, как он? Где-то сказано: дети отвечают за грехи отцов.

Он покачал головой и добавил:

— Мне кажется, некоторые плохие признаки я в себе уже замечаю!

— Я как-то фильм смотрел, — начал Денисов, — не помню название, старый. Там, короче, один актер играл двух разных людей. Суть как бы в том, что есть один мужик, и у него двойник. Этот мужик очень хороший — правильный, четкий, благородный. А двойник его — конченый подонок. Ну то есть полная противоположность. И вот пути их постоянно переплетаются. В общем, типа, если я правильно помню, плохой все время подставляет хорошего. Ну, хороший в конце концов вызывает на дуэль этого плохого, потому что никак иначе уже нельзя. И убивает его. После этого он скоро умирает и сам. Потому что убил сам себя. Тут, я так понял, идея в том, что у каждого человека две стороны — хорошая и плохая. И задача не в том, чтобы уничтожить вторую, из этого все равно ничего не выйдет, только вред, а в том, чтобы принять себя таким, какой ты есть. А потом уже постараться стать лучше.

— Так это я где-то уже слышал! Уж не психологичка ли динамщица тебя просветила?

— Да, — тяжело вздохнул Денисов. — Кстати, представляешь, она рассказала все моему отцу.

— Да ну! Это про твое признание-то? Вот сука... И что отец?

— Да ничего. Сказал: молодец, сын, правильно сделал, раз все серьезно. Но что если бы она ответила согласием, то они с мамой были бы против — слишком большая разница в возрасте... Да и не пара она мне.

ПРОЩАЙ, ДЭН

Лето почему-то всегда проходит так быстро, что ничего не успеваешь. Осень, зима тянутся еле-еле, но со второй половины апреля время потихонечку начинает ускоряться и разгоняется до того, что летние месяцы пролетают с огромной скоростью. И в сентябре снова резко

стоп, как будто время врезалось во что-то железобетонное. Вроде бы ты планировал сделать то, это, строил грандиозные проекты, думая о лете как о целой жизни, но только оно началось, как вдруг видишь — скоро опять в школу. Это ужасно обидно, это несправедливо, это катастрофа. И радость от каникул отравлена, потому что в самом их начале уже содержится намек на конец. Тихонов понимал, что все в мире так устроено. Но он очень хотел бы, чтобы время иногда останавливалось, замерло в какой-нибудь яркий летний день на пару лет. Например, сегодня, накануне последнего звонка, когда учеба уже закончилась, и все лето еще впереди, и лучший друг не уехал.

Они с Денисовым сидели на подоконнике напротив кабинета директора. Школа выглядела теперь совсем по-другому, не как учебное заведение, а как пустой недорогой пансионат, куда еще не заехали отдыхающие: она вдруг стала уютной и милой. Странно, но понятно: так и поле кровопролитной битвы выглядит невинной лужайкой спустя годы. Инь и ян, хрен ли...

— Знаешь, Дэн, я вот думаю о том, что всякое начало уже содержит в себе конец. Ну вот как сейчас — конец мая, начало лета, а я уже ощущаю дыхание осени.

— Да, я тоже думал об этом. Но мне кажется, это означает и другое, что конец должен содержать в себе начало.

— Ну да, конец — это начало. Начало конца. Но конец начала — это опять начало.

Они задумались над сказанным, пытаются понять. Тихонов тряхнул головой, отгоняя наваждение.

— Короче, Дэн, плохо, что тебя не будет на последнем звонке. С кем еще поговоришь о таких вещах!

— Да мне и самому чертовски жаль! — хмуро кивнул он. — Так всегда, родители решают за своих детей, как будто лучше знают, что им надо! А мне теперь ходить в школу с какими-то жирными американцами...

— Почему жирными? В кино американки очень даже симпатичные.

— В кино все симпатичные! А кто в кино не попал, тот от ожирения страдает...

— Да ладно, Дэн, чего ты... Привыкнешь, станешь встречаться с какой-нибудь булочкой. Главное ж душа...

Они засмеялись.

— А я хотел бы туда съездить, — мечтательно сказал Тихонов. — Нью-Йорк, круто. Куча

фильмов и книг об этом городе. Но только на месяц. Чтобы не все лето торчать где-нибудь в Гарлеме...

— И я о том же.

— Тяжко мне тут придется одному с этими остолопами...

— Да уж, ты не распускай училок, а то им волю дашь — и все, пиши пропало.

— Ага...

— Чем вообще планируешь заняться на последнем звонке?

— Да уж чем на нем займешься! Сексом, конечно.

Они заржали, и эхо ответило им, пробежавшись по пустым коридорам.

— А вообще, Дэн, займусь Гришиной. Что-то в последнее время я упустил ее из поля зрения. А она мне нравится. Пожалуй, она — это единственное, что мне нравится в этой школе.

— Что ж, правильно! Хотя я думал, что тоже тебе нравлюсь, — кивнул Денисов. — Но и Гришина ничего.

— А с Петровой ты как? Попрощался слезно? Или после романа с психологичкой она в полете?

Денисов поморщился.

— Да ты сам знаешь, Петрова же такая, легкомысленная... Ей, помимо меня, еще вся школа нравится. Так что у нас с ней несерьезно.

— Это хорошо, когда можно сказать девушке: «У нас с тобой несерьезно!» Вот Серегин не может. Ему Дуня Субботина сразу нос ломает.

Они опять заржали. Открылась дверь кабинета директора, и выглянула Юлия Федоровна. Она была в легком полупрозрачном платье, загорелая, улыбочивая.

— Ну что вы тут устроили? — спросила она. — Вся школа трясется, так ржете.

— Извините, Юлия Федоровна, больше не будем.

Она одарила их ласково-строгим взглядом и закрыла дверь.

— Ох, какая женщина, — простонал Денисов, — на мою психологичку похожа.

— Только твоя психологичка раза в два старше, не раскатывай губу. Юлия Федоровна для тебя мелковата.

— А что такого, говорят, чем дольше выдержан коньяк, тем лучше.

— Ну ок, что ж ты тогда не идешь знакомиться в дом престарелых? — сказал Тихонов.

— Все, тихо, хорош ржать.

Но Тихонов не хотел тихо. Она надеялся, что она опять выйдет.

Утро последнего звонка. Солнце затопило город по самые крыши и тихо плескалось, заливая подоконники. По пустынным улицам ползли разморенные пешеходы. Еще так рано, но уже жарко. Конец мая — это лето в разгаре, даже больше, чем в июне. Газоны горят одуванчиками, копиями солнца. Тихонов любил одуванчики: пока они есть, пока они не превратились в пушистые старушечьи головы — еще все впереди и осень нескоро.

Он шагал в школу уверенно. Он решил, что это будет особый день, который изменит его жизнь. С этого дня он возьмет все в свои руки, перестанет балбесничать, наладит отношения с Гришиной. Он бросит курить и пить. Ну, может, сегодня напоследок выкурит пару сигарет и выпьет запасенный портвейн. Да и как же не выпить — последний звонок все-таки!

Конечно, без Денисова все непривычно. Только сейчас, когда тот уехал, Тихонов понял, что других друзей у него нет. Так, были неплохие кандидаты. Серегин, Массажин, Титяев. Но не совсем то, это, что называется, приятели, а не друзья. Друг — тот, с кем ты можешь говорить о личном и важном и кто при этом тебя понимает. То есть у вас одинаковый примерно уровень развития. Допустим, ты любишь читать книги и увлекаешься видеоиграми. Но твой «друг» ничего не шарит ни в том ни в другом. Какой же он после этого друг? Вам и говорить-то вообще не о чем...

«С Гришиной будет непросто, — думал он, шагая по замершей, как спящая змея, улице. — Она не любит читать. Общаться нам не о чем. Вопросы о смысле жизни ее тоже не волнуют. Надо будет искать общие темы...»

Он тяжело вздохнул, чувствуя, что вместе с такими серьезными мыслями внутрь просачиваются принципы взрослой жизни. На всякий случай он помахал перед лицом руками, как бы отгоняя их. Не хотелось думать о трудном сейчас, когда мир такой юный и солнечный. Поднялся легкий ветерок, и улица вдруг потекла: песок, упавшие откуда-то прошлогодние листья, его заботы медленно поползли прочь в ее течении.

В школе было немногочленно, до начала праздника оставалось еще два часа.

В коридоре он заметил Арсеньева, Ступакону и Громову. Это и понятно, у отличников всегда так, они должны быть первыми. Но вот что делает здесь Стаханов, совершенно не ясно.

— Тихон, — крикнул он, — помоги воду наверх отнести!

Он быстро шел по коридору с двумя пятилитровыми баллонами.

— Не могу поверить, что ты подписался на общественные работы... — удивился Тихонов.

— Да, — засмеялся тот, — историчка попросила. Не смог отказать!

Тихонов подхватил другие два баллона, стоявшие у стола охранника, и пошел за Стахановым. Когда они проходили мимо туалета на первом этаже, дверь открылась, и оттуда выскользнули смеющиеся, розовые Титяев с Гришиной. Они держались за руки. Но не так, как она с Тихоновым, робко и целомудренно, когда еще ничего не произошло, а дерзко и откровенно, как состоявшиеся любовники.

Увидев Тихонова, Гришина вырвала свою руку. Титяев улыбнулся широкой невинной улыбкой, взглянул на Гришину, потом на него и побежал к компании, что-то весело им крича. Раскрасневшаяся Гришина осталась. Наверное, она ждала, что он спросит, что она делала с Титяевым в туалете.

Но Тихонов не остановился и пошел дальше. Он медленно поднимался по лестнице, и с каждым шагом в его душе разрасталась пропасть. Тот факт, как быстро она выдернула свою руку из титяевской, говорил о многом. Ему нечего было у нее спрашивать, он и так все понял. Если бы не это, если бы она не смутилась так, увидев его, он бы еще засомневался, он бы убедил себя: они просто друзья, которые зашли зачем-то вместе в туалет!

Он остановился посреди лестничного пролета, поставил на пол баллоны и схватился на голову. Началось.

— Что там все-таки было? — спросил он сам себя.

В голове нарастал шум.

Раз-два, раз-два. Пять-три-семь-один. Пять-семь-четыре... Нет, неправильно, здесь должно было три. Заново. Одиннадцать-пять-девять-семь. Три-четыре губы, один-семь глаза. Голова влево, голова влево, одиннадцать глаза, семь рот, снова голова.

Тихонов, прикрывая лицо руками, побежал вниз по лестнице. Не глядя по сторонам, он быстрым шагом промчался мимо одноклассников. Краем глаза он заметил, что они смотрят на него.

— Что с тобой? — громко спросил Арсеньев.

Тихонов на ходу махнул рукой.

Зевс разгневался. Только что еще сияло солнце и дул ласковый ветерок, но вот стоило Тихонову выйти из школы, как разразилась гроза. Небо рухнуло на город, навалилось чернотой и грома-

хало, бия молниями куда попало. Шквал взметал с дороги все, что там лежало, и бросал в лица прохожим. Острый запах грозы разлился по улице, и первые, невидимые пока капли кололи кожу.

Тихонов брел наперекор мощным порывам по направлению к соседнему подъезду, обуреваемый тиками, размахивая руками и что-то бормоча. Голова его дергалась из стороны в сторону, губы извивались, как змеи, из глаз текли слезы.

Он зашел в подъезд, ногой отворив дверь. Поднялся на один лестничный пролет и встал у окна, лицом к лицу со стихией. Прямо над ним страшно грохнуло, и пространство разошлось белой в зигзагах трещиной. Казалось, из этого разлома сейчас полезут древние чудовища, тысячи лет ждавшие часа расплаты с человечеством.

Тихонов достал из рюкзака портвейн, ловко откупорил бутылку и приложился. Пять больших долгих глотков. Потом сигарета. Вспыхнула зажигалка, выхватив на мгновение из сумрака бледные стены подъезда. Струя дыма взметнулась к потолку.

— Ну что, Алексей, — сказал сам себе Тихонов, часто моргая, — забился под землю, убежал, спрятался? Молодец! А бороться?

Голова два раза дернулась в сторону.

— Да как же ты собрался бороться, с такими-то тиками? Вся школа будет ржать и пальцами показывать, — ответил он сам себе.

— Ну а что ты такой тиканутый? Подумаешь, Гришина с Титяевым, и что... Сразу сдался?

— Тебе легко говорить! А ты бы не сдался? Два-четыре, три-пять...

— Ну ладно. Теперь домой, в постельку, под одеялко, плакать и ждать, пока пройдет?

— Да пошел ты... Один-один, семь-пять, голова влево-влево.

— А в школе будет дискотека, всякое веселье, Гришина с Титяевым, а Юлия Федоровна, возможно, с кем-нибудь из преподав. А то и со Стахановым!

— Такое невозможно! Юлия Федоровна и Стаханов! Ты что несешь!

— Все возможно — для настоящего мужчины. Помнишь, что Дэн говорил? Надо бороться за то, что тебе нужно. Но это не про тебя, конечно, тебе бы затаиться и поплакать в уголке. Бедный, бедный Лешенька, как же жалко себя!

— Все, заткнись. Семь-одиннадцать, девять-пять, глаза, губы, голова...

Надо как-то это прекратить.

Он зажмурился и с размаху ударил лбом в стену.

— Счае! — громко сказал он. — Я не буду больше видеть!

Три-четыре, семь-пять, губы — три, глаза — один...

— Нет! — закричал Тихонов в полный голос и снова ударил. — Нет!!!

Он бил и бил, повторяя быстро, чтобы не сбиться на счет: «Нет! Нет! Нет!»

Открылась дверь квартиры пролетом выше, и оттуда выглянул крупный мужчина в халате.

— Что здесь происходит? — строго спросил он, держась за ручку двери, чтобы в случае чего побыстрее ее захлопнуть. — Мне полицию вызвать?

Тихонов поднял на него взгляд, и мужчина попятился.

— Все в порядке, — ответил он.

Запрокинув бутылку, он допил остатки порвейна, закурил и вышел на улицу, под ливень.

В холле первого этажа Бубнов, Батонов и Рыбенко приставали к Василькову. Они пытались повесить на его спину бумажку с надписью «Я люблю историчку». Он от них неуклюже уворачивался, но они наседали с двух сторон, выкручивали ему руки и пинали. Вся его форма, обычно такая чистая и выглаженная, покрылась коричневыми следами от подошв.

Ни слова не говоря, Тихонов с ходу вклеил пендель Рыбенко. Тот отскочил в сторону, держась за зад и с удивлением озираясь.

— Оставьте Василькова, — сказал Тихонов.

— Ты че дерзкий такой, страх забыл? — нахмурился Бубнов, отойдя от Василькова. — Отскочим, побормочем?

— Гришина другому дала, так ты сразу на друзей? — добавил Батонов.

Тихонов ударил его кулаком в лицо и направился к Бубнову. Тот стал отступать, повторяя:

— Ты че, Тихон, ты че? Батон, Рыба, валим его строем!

Но Рыбенко и Батонов не хотели драки, чувствуя, что сейчас с Тихоновым лучше не связываться. Тогда Бубнов развернулся и побежал по коридору, крича:

— Ладно, псих, мы еще поговорим!

Рыбенко и Батонов пошли за ним, что-то гневно шепта.

— Спасибо, — сказал Васильков и поправил съехавшие очки.

Он стоял перед Тихоновым грязный, потный, жалкий.

— Не за что. Увидимся позже.

Тихонов быстро и решительно поднялся на четвертый этаж. По пути он никого не встретил, види-

мо, все одноклассники готовили праздник. Вот он у кабинета директора. Он занес руку, чтобы постучать. Но передумал. Это не тот случай, чтобы стучать! Не по-мужски это. Разве должен стучать мужчина, который пришел за своей женщиной? Нет, он должен действовать твердо и уверенно, а стук выдает сомнения. У Тихонова же не было больше сомнений.

Он взялся за ручку и широко распахнул дверь. Юлия Федоровна была на месте. Она сидела за своим столом и что-то писала при свете настольной лампы, в смешных больших квадратных очках. Заметив его, она поспешно сняла очки и убрала их в карман пиджака.

— Что тебе, Тихонов? — строго спросила она. — Почему ты мокрый? И что с твоим лбом? Ты упал?

Над школой прокатился раскат трескучего грома. В старой оконной раме задрожали стекла. Юлия Федоровна с испугом посмотрела в окно.

Тихонов увидел свое отражение в зеркале у входа. В самом деле, он весь вымок, пока шел от подъезда к школе. Рубашка прилипла к телу, кровь на лице, волосы размазаны по щекам, как у женщины после истерики.

— Алексей! Тебе чего? — повторила Юлия Федоровна.

Тут он почувствовал, что весь хмель из него резко улетучился, уступив место сковывающему страху. Уверенности и решительности больше было. Он уже не понимал, с какой стати пришел сюда, как он вообще осмелился на такое. Совершенно ясно, что ничего из этого выйти не могло, кроме позора.

— Извините, — слабым голосом ответил он и вышел.

Осторожно затворив дверь за собой, он глубоко вдохнул, держась за сердце.

— Как ты осмелился, дурак! Да еще в таком виде! — прошептал он.

— Ну молодец, — возразил он себе, — поступил как всегда? Лишь бы пронесло, лишь бы закончилось побыстрее, а потом жалеть всю жизнь? Доволен теперь? А как же всё? Плакать теперь в постельку и считать? А Дэн со своей психологической? А любовь? А жизнь?

Он резко распахнул дверь кабинета и снова вошел. Юлия Федоровна вздрогнула и подняла голову, но очки не сняла. Комнату на миг осветила вспышка молнии, ветер взметнул бумаги и сбросил со стола. Тихонов быстро подошел к ней, наклонился и неумело прижался к ее губам своими. Это совсем не было похоже на поцелуй.

Казалось, Юлия Федоровна превратилась в утес. Тихонов выпрямился и на дрожащих ногах направился к выходу. У него было такое чувство, что сейчас он умрет от ужаса. Все получилось настолько нелепо и неромантично, что хуже не придумаешь.

— Тихонов, стой! — вдруг прозвенел ее голос, как очередной раскат, сразив его на полпути.

У него екнуло в груди. Он застыл спиной к ней. «Все, — подумал он, — конец!»

— Иди сюда, — повелительно сказала она.

Он развернулся и, глядя себе под ноги, сделал по направлению к ней два робких шага.

— Ты совершенно не умеешь целоваться, — она встала и сняла очки. — Сейчас я тебе покажу, как.

Наверху прояснилось. Там, где еще недавно чернели тучи, теперь сияло, играло и пело чистое голубое небо. Сырые улицы обогрело горячее солнце, и на мокрых тротуарах стремительно росли сухие проплешины.

Так и Тихонов совершенно высох. Но не от солнца.

— Леша, удивил ты меня. Ты как будто заглянул в мои мечты.

— Юлия Федоровна, я и не подозревал, что вам нравлюсь. Как-то вы со мной не очень дружелюбно обращались.

— Слушай, давай уж теперь без Юлии Федоровны... Зови меня просто Юля, в конце концов, у нас разница не такая уж, лет десять всего. Только не при всех, конечно!

Она звонко засмеялась. И добавила серьезно:

— Ну а как, скажи, я должна была себя вести?

Пригласить тебя на свидание после урока?

— Я бы согласился!

— Не сомневаюсь. Ладно, давай шагай, а то ко мне прийти могут.

Она поправила блузку, юбку и села за стол.

— Юлия Федоровна, можно последний вопрос?

— Опять эта Федоровна... Чувствую себя старухой с тобой. Ну давай.

— А чем я вам нравлюсь?

— Ты умный. Необычный. Привлекательный... Да сам знаешь. Наверняка все девочки в школе от тебя без ума.

Тихонов покраснел от удовольствия.

— Мы еще увидимся? Ну, в смысле...

Он смутился.

Она улыбнулась, он тоже.

— Алексей, как там вас по отчеству, обязательно. Должна заметить, вам следует еще многому научиться. Пока же, не обижайся, но и этот предмет был на троечку.

— Эх, ну по всем предметам у меня в этом году тройбаны...

Тихонов вышел из кабинета, смеясь. На подоконнике напротив, как раз там, где было написано «Сука», сидела Гришина. Она смотрела на него круглыми от удивления глазами.

— Тихонов, ты это с кем в кабинете директора так сейчас ржал? С Юлией Федоровной?

— Ну а с кем еще?

— И давно у вас с ней такая дружба?

— К сожалению, недавно. Минут десять всего.

Она слезла с подоконника.

— Леш, я хотела с тобой поговорить...

Тихонов поднял руку, как бы призывая ее к молчанию.

— Катя, не надо ничего говорить. Да и не о чем нам разговаривать. Тебе Титяев больше подходит, он непосредственный и веселый. А я псих с тиками.

В актовом зале гремела музыка. Там танцевали. Кавалеры приглашали дам, и кружились пары в ослепительных огнях тысяч свечей, декольте сверкали бриллиантами, мелькали гордые осанки, непомаженные усы... Конечно, ничего это не было. Танцевали там в основном современные танцы — и в полутьме. Что хорошего в современных танцах — их умеет танцевать всякий, если есть хотя бы чувство ритма. Выходишь и дергаешься под музыку. У Тихонова чувства ритма (и музыкального слуха) не было. Тем не менее он все равно однажды удостоился похвалы от девочек:

— Леша, ты так классно танцуешь!

А все дело в том, что в тот раз он был в жопу пьяный.

В старые времена такое бы не прокатило. Танцы танцевали сложные. И или ты умеешь, или, как Белинский, сидишь в уголке и конфузишься.

Правда, если честно, современные танцы тоже не для дураков. Серегин, например, занимался ими профессионально, и сразу было видно, что не просто так под музыку трясется, а с умом.

— Тихон!

— Че?

Его толкал в локоть Стаханов. Они — он, Стаханов и Васильков — сидели в пустом классе истории на втором этаже.

— Ты о чем задумался-то? Я спрашиваю, портвейн будешь?

— Не, Стэхан. Я бросил.

— Ну ты даешь! Тогда сигаретой угости.

— Нет сигарет, Стэхан.

Стаханов подозрительно сощурился.

— Тоже, что ли, бросил?

— Да, так и есть. Больше не курю.

— Оно и правильно, — подумав, кивнул Стаханов. — Я тоже собираюсь бросать... Боксус мешает. Ладно, пойду поищу, с кем бутылку раздавить. Тебе, Васильков, я так понимаю, не предлагать?

Васильков солидно помотал головой.

Стаханов вышел, спрятав бутылку под пиджак.

— Слышь, Васильков... — позвал Тихонов.

— Чего?

— Давай, что ли, дружить? Ты парень-то на самом деле нормальный. Извини, что я с этими гопниками на тебя наезжал... Знаешь, как бывает, стадный инстинкт, как все...

— Понимаю, — серьезно кивнул Васильков.

— Ну так что, дружить будем? Я не настаиваю...

— Будем, — сказал Васильков.

— Ну отлично! — обрадовался Тихонов. — А то знаешь, Денисов уехал, и я теперь без друзей остался.

— Знаю. Денисов хороший. Кстати, у меня через неделю день рождения. Приходи. Бабушка с дедушкой стол накрывают.

— А почему не родители?

— Я с бабушкой и дедушкой живу, — хмуро сказал Васильков.

— Не вопрос! Спасибо за приглашение, приходи. Я вообще, кстати, дружу с бабушками.

Тихонов посмотрел в окно. Наступил вечер, в домах зажигались окна.

— Васильков, а тебе какие книги нравятся?

— Разные. Фэнтези люблю. Но и классику тоже: Гоголя, Достоевского, Толстого... Из зарубежных Дефо, Свифта...

— Все, хватит, — прервал его Тихонов. — Вижу, ты свой человек! А Гомера любишь?

— Да, «Илиаду».

И вдруг он прочитал с выражением:

— Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал: многие души могучие славных героев низринул в мрачный Аид...

— Ладно, ладно, верю! А я больше «Одиссею» люблю... Помнишь, как там начинается каждое утро: «Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос». Круто. Не знаю, почему.

— Согласен, — кивнул Васильков. — Круто.

Последний звонок закончился, и все разошлись по домам. Васильков хотел остаться, но честно признался, что в таком случае за ним приедут бабушка с дедушкой. Долго держался Серегин, но в конце концов и ему пришлось уйти, чтобы успеть на метро. Остались только Тихонов и Стаханов.

В конце мая ночи уже теплые, можно сидеть на улице хоть до утра. И Тихонов со Стахановым

устроились на лавочке во дворе напротив школы. Тихонов не шел домой, потому что не хотел, чтобы завершился сегодняшний день — день, полный свершений и побед. Ведь тогда наступит завтра, а вдруг оно будет таким же, как позавчера?

Стаханов остался просто за компанию. Он так и не нашел, с кем выпить портвейн, и выпил все один. И теперь ему хотелось говорить.

— Тихон, — громко сказал он, — вот скажи мне, зачем мы живем?

— Не знаю, Стэхан. Откуда мне знать?

— Ну думаешь ты хоть что об этом?

Тихонов в самом деле много об этом думал. И к чему пришел? Ни к чему.

— Знаешь, Стэхан, в Древней Греции были такие философы, Демокрит и Эпикур. Самые веселые и жизнерадостные из всех. Демокрит так и звали: ржущим. Он считал, что ничего из того, что мы считаем важным и ценным, на самом деле не существует. Есть только атомы и пустота. И больше ничего. Так и говорил: только атомы и пустота.

— А Эпи... Этот хрен, как его? Он что считал?

— Эпикур. Почти то же самое. Он утверждал, что смысл жизни — в получении удовольствий. Что все телесно, и даже душа состоит из атомов. И после смерти атомы разлетаются в пустоте. И ничего не остается.

— А какие удовольствия он предпочитал? Женщины, пиво, наркота, наверное?

— Нет. Для него удовольствие — это просто отсутствие страданий. Хотя некоторые подозревают, что не обходилось и без бухла...

— Я не понял, Тихон, и что же они были такие радостные при таких отстойных идеях?

— Да черт их знает, — вздохнул Тихонов.

И добавил:

— Может, смысл жизни просто в том, чтобы жить.

Тихонов возвращался домой перед рассветом. Было темно. Мир замер, ничто не двигалось и не дышало. Это не очень приятное время. Это время, когда ночь окончательно победила и утро еще не родилось. Это время конца — того самого, который тянется бесконечно, который неизменен, в котором ничего не происходит. Если прав тот математик, по истечении бесконечно долгого времени конец должен превратиться в начало. Но как же это долго — целая бесконечность! В силах ли хоть что-нибудь ее переждать?

Тихонов устало вздохнул и позвонил в дверь. Через пару секунд открыли — значит, несмотря на позднее время, дома не спали.

На пороге стоял отец, он был совершенно трезвый. Тихонов никогда не видел его таким взволнованным. От бессонной ночи он стал совсем белого цвета.

— Ты где был? — спросил отец тихо. — Мы с мамой всю ночь не спали.

Но он спрашивал не строго. Наверное, понимал, что давно уже лишил себя права на какую-либо строгость. Он говорил скорее радостно и с облегчением.

— Пап, так последний звонок же сегодня. С друзьями сидели, то да се.

— Пили? — спросил отец трагическим тоном.

— Еще как! Но я бросил. Что и всем советую.

Он прошел в свою комнату и закрыл дверь. Потом, передумав, открыл ее и выглянул. Отец уходил по коридору.

— Пап!

Тот обернулся и молча посмотрел на него.

— Спокойной ночи. Если что, я на тебя не обижаюсь.

Закрыв дверь, он быстро разделся и бросился в кровать. Боже, как же он устал. Едва сомкнулись веки, как сразу в голову полезли странные видения, предвестники сна — потерявшие связь с реальностью фантастические картинки.

Вырвавшись на секунду из сонного дурмана, он посмотрел в окно. Серая мгла растаяла, крыши домов порозовели, и над ними разливалась нежная голубизна. Тихонов улыбнулся и снова закрыл глаза — на этот раз окончательно.

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.